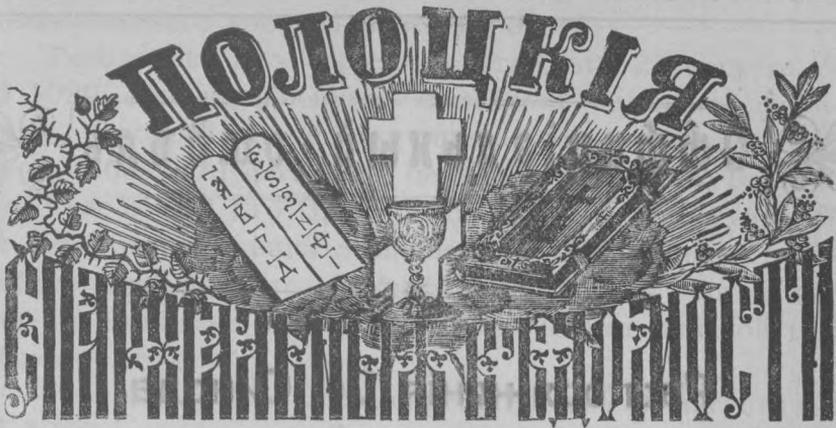

(Существуютъ съ 1874 г.).

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.
1913 годъ.

ЦѢНА: за годъ пять руб. 50 к., за полгода—три руб., съ пересылкою

Подписка принимается у оо. благочинныхъ епархіи и въ Редакціи „Вѣдомостей“, при Витебскомъ Епархіальномъ Свято-Владимірскомъ Братствѣ.

Редакція проситъ оо. и гг. сотрудниковъ, что рукописи, присылаемыя въ Редакцію для напечатанія, должны быть написаны разборчиво и четко на одной страницѣ. Не разборчивые рукописи не подвергаются разсмотрѣнію. Рукописи безъ означенія условій считаются без-

платными. Авторы, желающіе имѣть отдѣльные оттиски своихъ статей, заявляютъ о томъ на самой рукописи. Оттиски дѣлаются за особую плату по счету типографіи. Статьи, не принятыя Редакціей, по желанію высылаются авторамъ за ихъ счетъ—(по присылкѣ нужнаго количества марокъ) обратно, неостребованныя статьи по истеченіи года уничтожаются. Мелкія замѣтки—не болѣе писаннаго листа—возврату не подлежатъ.

№ 36.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Распоряженія Св. Синода. 2) Движенія и перемѣны по службѣ. 3) Отъ Полоцкой Духовной Консисторіи. 4) Къ вопросу о мѣрахъ къ упорядоченію операций Пенсіонной Кассы духовенства Полоцкой епархіи.

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДѢЛЪ: 1) Понятіе о филозофіи. 2) Великій юбилей.

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Официальный отдѣлъ

Распоряженія Св. Синода.

Назначается:

— Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 3 сентября 1913 г. за № 13813, законоучитель Полоцкаго женскаго училища духовнаго вѣдомства священникъ Димитрій Богоявленскій—штатнымъ членомъ Полоцкой Духовной Консисторіи, съ возведеніемъ въ санъ протодіакона, и редакторомъ неофициальнаго отдѣла «Епархіальныхъ Вѣдомостей».

Увольняется:

— Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 3 сентября 1913 г. за № 13813, штатный членъ Полоцкой Духовной Консисторіи и редакторъ неофициальнаго отдѣла «Епархіальныхъ Вѣдомостей» протоіерей Алексѣй Матюшенскій—отъ означенныхъ должностей.

Движенія и перемѣны по службѣ.

ПО РАСПОРЯЖЕНІЮ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Назначаются:

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 3 сентября 1913 г. за № 3157, штатный членъ Полоцкой Духовной Консисторіи

священникъ **Димитрій Богоявленскій**—настоятелемъ Витебскаго Св. Николаевского каедральнаго собора.

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 23 августа 1913 г. за № 3029, окончившій курсъ Витебской духовной семинаріи **Михаиль Высокій**, согласно прошенію,—на вакансію псаломщика къ Оболь-Онуфріевской церкви, Полоцкаго уѣзда.

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 25 августа 1913 г. за № 3064, выдержавшій экзамень на псаломщика при Омской Духовной Консисторіи **Іоаннь Пантелѣевъ**, согласно прошенію,—на вакансію псаломщика къ Кобыльнической церкви Витебскаго уѣзда.

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 27 августа 1913 г. за № 3089, псаломщикъ Омскаго каедральнаго собора **Арсеній Дивляшъ**, согласно прошенію,—на вакансію псаломщика къ Витебскому Св. Николаевскому каедральному собору.

Перемѣщается:

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 27 августа 1913 г. за № 3089, псаломщикъ Витебскаго Св. Николаевского каедральнаго собора **Иродіонъ Абраменко** на вакансію псаломщика къ Полоцкой Покровской церкви.

Увольняется:

— Резолюціей Его Преосвященства, отъ 25 августа 1913 г. за № 3064, псаломщикъ Кобыльнической церкви, Витебскаго уѣзда, **Григорій Малаховскій**, согласно прошенію,—заштатъ.

Исключается изъ списковъ

— Псаломщикъ Оболь-Онуфріевской церкви, Полоцкаго уѣзда, **Василій Ивановскій**—за смертію, съ 23 августа 1913 года.

Вакантныя священническія мѣста:

- При Головчицкой церкви, Полоцкаго уѣзда.
- При Саріанской церкви, Дриссенскаго уѣзда.
- При Городецкой церкви, Велижскаго уѣзда.

— При Межевской церкви, Полоцкаго уѣзда, съ 15 марта 1913 года.

— При Чайкинской церкви Себежскаго уѣзда, съ 13 марта 1913 года.

— При Низголовской ц., Лепельскаго у., съ 23 марта с. г.

— При Дзвонской церкви, Лепельскаго уѣзда.

— При Придруйскаго церкви, Дриссенскаго уѣзда съ 29 июля 1913 года.

Вакантныя псаломщическія мѣста:

— При Липновской церкви, Рѣжицкаго уѣзда.

Отъ Полоцкаго Духовнаго Консисторіи.

Полоцкая Духовная Консисторія объявляетъ лицамъ, желающимъ держать экзаменъ на званіе псаломщика, посвященіе въ стихарь, санъ діакона и утвержденіе въ клиръ, что дни производства экзаменовъ въ 1913 году назначены слѣдующіе: 5, 16 и 30 сентября, 10, 18 и 31 октября, 4, 20 и 29 ноября и 9 и 20 декабря.

Духовная Консисторія даетъ знать для свѣдѣнія лицъ, желающихъ держать экзамены для полученія сана діакона и должности псаломщика и посвященія въ стихарь, что означенныя лица должны представлять въ Консисторію по 5 рублей въ пользу экзаменаціонной комиссіи, безъ каковаго взноса экзамены производиться не будутъ, и что на экзамены они должны являться только послѣ основательной подготовки по программѣ, напечатанной въ № 10 «Полоцкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» за 1912 годъ.

Къ вопросу о мѣрахъ къ упорядоченію операций Пенсіонной Кассы духовенства Полоцкой епархіи.

Епархіальный Съѣздъ депутатовъ Полоцкой епархіи 1912 года, обсуждая положеніе пенсіонной кассы духовенства Полоцкой епархіи, поручилъ Правленію ея разсмотрѣть Уставъ этой кассы и сдѣлать въ немъ измѣненія съ цѣлю приданія денежнымъ оборотамъ Кассы необходимой устойчивости. Это порученіе Съѣзда Правленіемъ кассы не могло быть исполнено полностью, во 1-хъ, потому, что частичныя измѣненія Устава, сдѣланныя прежними Съѣздами, до настоящаго времени еще не утверждены, а, во 2-хъ, что обнаруженная неустойчивость пенсіонной кассы зависитъ, какъ оказалось, не отъ той или иной редакціи Устава, а отъ неправильныхъ исчисленій, положенныхъ въ основаніе Устава.

Неустойчивость кассы могла произойти по слѣдующимъ причинамъ:

а) Если пенсіи выдавались въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ предполагалось первоначальными исчисленіями.

б) Если пенсіи выдавались большому количеству пенсіонеровъ, чѣмъ предполагалось.

в) Если капиталы поступали въ кассу въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ предполагалось таблицами исчисленій.

Подробно и по документамъ ознакомившись съ этими причинами, Правленіе кассы пришло къ слѣдующимъ выводамъ:

Со времени открытія дѣйствій кассы и до настоящаго времени пенсіи выдавались и расходы на содержаніе канцеляріи производились всегда въ томъ размѣрѣ, какой установленъ таблицами, приложенными къ Уставу кассы.

Ежегодная смертность духовенства, предположенная составителемъ Устава кассы, ограничивалась 13 случаями смерти священниковъ и 8—псаломщиковъ. Въ первые годы существованія кассы такія предположенія, за небольшими исключеніями, соответствовали дѣйствительности. Такъ въ 1892 году пенсіонеровъ было 18 человекъ, въ 1893—29 ч., въ 1894—51 ч., въ

1895—68 ч., въ 1896—95 ч., въ 1897—102 ч. и т. д. Но послѣ изданія Положенія о казенныхъ пенсіяхъ для духовенства, когда для многихъ открылась не только возможность существованія за счетъ казенной пенсіи, но и нѣкоторыя выгоды такого существованія (какъ напр., для лицъ, имѣющихъ нужду воспитывать дѣтей), число пенсіонеровъ епархіальной кассы стало быстро увеличиваться. Въ отставку начали выходить не только по инвалидности, но и вслѣдствіе служебныхъ неудачъ, стремленія отдохнуть на свободѣ, желанія пристроить дѣтей въ учебныхъ заведеніяхъ на казенный счетъ и проч. Въ числѣ пенсіонеровъ появились не только старики, больные и сироты умершихъ членовъ, но и люди молодые, вполне здоровые и могущіе продолжать службу еще десятки лѣтъ. Были годы, въ которые число пенсіонеровъ почти удвоилось. Такъ

въ 1906 г. прибыло пенсіонеровъ . . .	27	чел.
„ 1907 „ „ „ . . .	41	„
„ 1908 „ „ „ . . .	35	„
„ 1909 „ „ „ . . .	25	„
„ 1910 „ „ „ . . .	24	„
„ 1911 „ „ „ . . .	29	„

Такимъ образомъ, въ теченіе шести лѣтъ пенсіонеровъ прибыло на 55 человекъ свыше нормы. Отсюда и расходы на выдачу пенсій стали увеличиваться не соотвѣтственно предположеннымъ исчисленіямъ. Къ этому нужно добавить возвратъ вносомъ лицамъ, выходящимъ изъ состава участниковъ кассы. Этотъ возвратъ не принятый во вниманіе при составленіи таблицъ, значительно ослабляетъ наличность кассы, уменьшаетъ ея доходность и отодвигаетъ назадъ предѣльное нарощеніе капитала. Расходы кассы начали превышать чистую ея доходность съ 1907 г., и въ 1912 г. достигли 4400 р. 87 к. Слѣдующая таблица наглядно показываетъ постепенное превышеніе расходовъ надъ доходностью кассы:

Г О Д Ы.	Поступило процентовъ.		Выдано пенсій.		Возвращено вкладовъ.		Израсх. на канцели мелчн расх.		Итого израсходовано.		Сумма, превышающая доходность.	
	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.	Р.	К.
1906	11952	—	9136	55	1451	90	758	37	11346	82	—	—
1907	12248	90	10918	67	1179	11	784	55	12882	33	633	43
1908	12112	48	12110	90	1787	33	754	65	14952	88	2040	40
1909	13562	25	13822	35	1366	93	792	52	15981	80	2419	55
1910	17182	27	14701	73	1479	48	760	77	16941	98	—	—
1911	14403	54	15518	95	1245	45	753	84	17518	24	3114	70
1912	15033	16	17082	67	1580	11	771	25	19434	3	4400	87

Примѣчаніе. Необычайный приливъ процентовъ въ 1910 г. и превышеніе доходности надъ расходомъ объясняется тѣмъ, что къ этому году часть государственныхъ рентъ была положена подъ удостовѣреніе именной записи. по каковой проценты выдаются за четверть года впередъ. По этой записи 0/0 было получено 3858 руб. 90 к.

Указанная въ настоящей таблицѣ разность между чистой доходностью и дѣйствительными расходами покрывалась Правленіемъ кассы изъ взносовъ участниковъ кассы, а это въ свою очередь, замедляло приращеніе капиталовъ кассы и уменьшало ея чистую доходность

Нарощеніе капиталовъ въ первый годъ существованія кассы превышало первоначальныя предположенія. Но съ теченіемъ времени ростъ капиталовъ замедлился и пересталъ соответствовать таблицамъ, приложеннымъ къ Уставу кассы. На сокращеніе капиталовъ, кромѣ указанныхъ причинъ, вліяли и случайныя обстоятельство, не предусмотрѣнныя составителемъ Устава. Такъ, напр., поступленіе взносовъ отъ участниковъ кассы предполагалось одновременно за годъ, съ теченіемъ процентовъ на поступившую сумму также за годъ. А между тѣмъ, взносы отъ духовенства получаютъ изъ казначейства по полугодіямъ—въ апрѣлѣ—юлѣ, въ сентябрѣ—ноябрѣ, а слѣд, взносы духовенства въ годъ ихъ внесенія въ пенсионную кассу приносятъ проценты совершенно ничтожныя. Взносы отъ церквей, поступленіе коихъ предполагалось за годъ впе-

редь попадаютъ въ кассу съ большимъ опозданіемъ. Со времени введенія 0% обложенія церковной доходности взносы отъ церквей поступали иногда чрезъ годъ, два и при томъ, не въ полномъ размѣрѣ. Велѣдствіе этого ежегодно наплилась недоимка и къ началу 1912 г. она достигла суммы свыше десяти тысячъ. Кромѣ сего, за одинъ годъ пенсіонная касса вовсе была лишена пятитысячнаго взноса отъ церквей. Главная и, можно сказать, основная причина неблагопріятнаго положенія кассы заключается въ томъ, что доходность кассы составителемъ Устава ичислялась изъ 4,75 %, а на самомъ дѣлѣ капиталы кассы даютъ около 3,75 %, т. е., на четверть меньше того, что касса должна была бы получать по первоначальнымъ предположеніямъ, или иначе говоря: меньше на ту сумму, какой въ настоящее время недостаетъ для точнаго сбалансированія итоговъ по приходу и расходу кассы.

При обсужденіи вопроса о мѣрахъ къ упорядоченію операций пенсіонной кассы Правленіе послѣдней пришло къ слѣдующему выводу:

Въ виду несомнѣнности что духовенство епархіи не согласится капиталы своей кассы вложить въ какія либо коммерческія предпріятія, могущія давать на эти капиталы большую доходность, но въ то же время и соединенныя съ извѣстнымъ рискомъ, и такъ какъ, въ настоящее время нѣтъ никакой надежды на увеличеніе процентовъ на капиталы и вклады по вполнѣ гарантированнымъ бумагамъ (кои касса только и можетъ держать), то необходимо или увеличить приливъ денежных средствъ въ кассу, или сократить расходы по выдачѣ пенсій. Въ первомъ случаѣ нужно увеличить приблизительно на 30 % взносы отъ духовенства, т. е., на 6 руб. въ годъ съ каждаго священника и на 3 руб. съ каждаго псаломщика, а во второмъ—уменьшить пенсіи по всеѣмъ разрядамъ на 25%. Самымъ же вѣрнымъ средствомъ къ упорядоченію операций кассы могла бы служить простая разверстка между пенсіонерами чистой ежегодной доходности кассы пропорціонально той суммѣ, какую каждый пенсіонеръ долженъ получать по распісанію.

Частной мѣрой къ поднятію устойчивости пенсіонной кассы могло бы служить прекращеніе выдачи пенсіи участникамъ, не прослужившимъ полнаго перваго пятилѣтія. Взносы за

первое пятилѣтіе, сдѣланные новыми участниками кассы, въ данномъ случаѣ могли бы служить компенсаціей тому вкладу въ основной капиталъ кассы, который произведенъ учредителями ея изъ взносовъ ихъ въ епархіальное Попечительство.

Для соблюденія справедливости необходимо, чтобы и пенсіонеры кассы приняли участіе въ проектируемомъ новомъ обложеніи въ пользу пенсіонной кассы. Это можно сдѣлать чрезъ отчисленіе изъ получаемыхъ пенсій въ пользу кассы 10%. Увеличеніе взносовъ отъ участниковъ кассы и 10% вычетъ изъ пенсій долженъ продолжаться до необходимаго нарощенія капитала кассы

Редакторъ офіціального отдѣла,

Секретарь Консистоіи Л. Яновскій

ПОЛОЦКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Неофициальный отдѣлъ

Понятіе о философіи *).

Въ началѣ историко философскаго пути мѣрка для истины и безспорно-достовернаго была не очень строга. Мышленіе тогда еще не было строго дисциплинировано. Широкія обобщенія, широкія аналогіи, вѣра во всеильную діалектику признавались вполне законными. Разсудокъ былъ совершенно равноправнымъ съ опытомъ, и по временамъ и болѣе надежнымъ источникомъ познаній. Искомаго единственнаго міросозерцанія такими средствами не было достигнуто. Мало этого, постепенно критическая мысль вскрыла, насколько не основательно было прежде довѣріе къ разсудочному способу познанія. Роли постепенно перемѣнились: уже опытъ и наблюденіе стали считаться единственными и надежными руководителями знаній. Обобщающей же дѣятельности разсудка стали почти страшиться. Такъ постепенно выработалось требованіе вводить въ науку только непосредственно очевидное, эмпирически воспринимаемое и только это считать научнымъ. Такимъ образомъ, область научнаго по количеству вопросовъ постепенно суживалась; постепенно пришли къ сознанію, что многіе вопросы не могутъ быть рѣшены рационально что міросозерцаніе не можетъ быть предметомъ науки. Въ наше время остается господствующимъ противопоставленіе науки, какъ области безспорно-достоверной философіи, какъ области, фактически не проверенной и не доказанной, Философія—„познѣя понятій“ какъ выражается извѣстный мыслитель—Ланге. Такимъ образомъ, къ нашему времени наука окончательно отмежевалась отъ философіи, какъ не научной области. Но могутъ ли науки обойтись безъ философіи? Дѣйствительно ли современныя науки даютъ только безспорно достоверное?

*) См. № 35.)

Всякій безпристрастный цѣнитель современныхъ наукъ знаетъ, что съ характеромъ математической достовѣрности въ нихъ имѣется не очень много положеній. Большинство же сужденій есть только болѣе или менѣе вѣроятныя догадки, конечно, опирающіяся на фактическія данныя. Устанавливаемое положеніе имѣетъ свое значеніе и въ отношеніи большинства естественныхъ наукъ, которыя казалось бы должны давать безспорный матеріалъ въ виду того, что онѣ, повидимому, опираются только на опытъ и наблюденіе, обычно признаваемые безспорными источниками познанія. Однако, признаніе содержанія даже положительныхъ наукъ за безусловно-достоверное не вполне справедливо. Каждая наука слагается изъ двухъ элементовъ—описанія изучаемыхъ ею явленій и объясненія ихъ. Конечно, описаніе силось есть результатъ опыта и наблюденія, и такъ какъ показанія его обязательны для всякаго нормальнаго человѣка, то описательная часть науки всѣми учеными въ большинствѣ случаевъ понимается одинаково (если только правильно сдѣлано наблюденіе). Но какъ только мы переходимъ въ область объясненія собранныхъ и описанныхъ фактовъ, какъ только мы переходимъ отъ вопроса, какъ существуетъ данный фактъ, явленіе къ вопросамъ—какъ произошелъ этотъ фактъ, почему именно онъ такъ произошелъ, а тѣмъ болѣе—зачѣмъ онъ произошелъ,—здесь поражаетъ насъ крайнее разнообразіе и даже противорѣчіе мнѣній. Приведемъ примѣръ. Известный ученый Дарвинъ и его послѣдователи вполне научными способами показали, что между всѣми живыми существами и даже вообще всѣми предметами природы существуетъ тѣсная связь; во всей природѣ мы видимъ единство химическаго состава, единство основныхъ законовъ бытія, нерѣдкое образованіе новыхъ разновидностей живыхъ существъ изъ существующихъ и пр. Все это факты. Дарвина они привели къ той мысли, что всѣ видимыя существа природы образовались чрезъ преобразование одной какой либо основной формы бытія путемъ естественнымъ, что замѣчаемая въ организаціи живыхъ существъ цѣлесообразность вызвана къ жизни потребностями самихъ организмовъ. Другихъ мыслителей эти факты привели къ обратно противоположной точкѣ зрѣнія.

По ихъ взгляду единство организаціи природы, ея цѣлесообразность говорятъ о единомъ, премудромъ Виновникѣ ея, давшемъ жизнь природѣ и руководящемъ ею. И такъ въ наукѣ на каждомъ шагѣ. Это происходитъ въ силу того, что объясненіе явленій природы принадлежитъ уже области умозрѣнія. Эти вопросы не могутъ

быть рѣшены опытно, такъ какъ они пытаются вскрыть то, что непосредственно недоступно. Не могутъ быть они рѣшены и чисто разсудочнымъ путемъ, потому, что разсудокъ соединяетъ и анализируетъ только то, что даетъ опытъ. Всякая попытка переступить опытъ и разсудокъ вводитъ уже въ область философіи, въ сферу той способности человѣческаго духа, которую старая психологія называла разумомъ, а современная—высшимъ центромъ психики. Эта способность человѣческаго духа весьма индивидуальна, и никакія способы убѣжденія не склоняютъ ее принять тѣ мнѣнія, къ которымъ она не имѣетъ внутренняго тяготѣнія.

Такимъ образомъ, мы должны признать, что центръ науки, наиболѣе цѣнное въ ней объясненіе явленій—философскаго характера. Слѣдовательно, философія является не только синтезомъ знаній, добытыхъ наукою, но и самую существенную частію ихъ.

Далѣе, философія имѣетъ синтезирующій характеръ въ отношеніи къ положительнымъ наукамъ и въ иномъ смыслѣ. Отдѣльныя науки, работая разобщенно, самостоятельно, каждая въ своей области, могутъ приходить къ выводамъ, не вполне согласованнымъ между тѣмъ—какъ едина природа, такъ едина должна быть и наука, изучающая и объясняющая ее. Необходимое единство и связь всей совокупности человѣческихъ знаній и пытается дать философія всеми доступными ей средствами.

Наконецъ, философія способствуетъ прогрессу положительныхъ наукъ. Создавая на основаніи данныхъ, представляемыхъ положительными науками тѣ или другія теоріи, философія побуждаетъ положительныя науки съ новой стороны взглянуть на разрабатываемыя ими области, подыскать новые факты, подтверждающіе или окончательно отрицающіе проводимую теорію. Словомъ, философія играетъ въ наукахъ роль гипотезы, и въ этомъ ея крупное значеніе.

Все изложенное даетъ намъ право слѣдвать слѣдующіе выводы о взаимоотношеніи философіи и положительныхъ наукъ.

Философія, при современномъ состояніи знаній, не можетъ существовать безъ положительныхъ наукъ; онѣ даютъ ей тотъ матеріалъ, изъ котораго она будетъ организовать общее міросозерцаніе. Если она сойдетъ съ этого пути, то ея міросозерцаніе не можетъ удовлетворить пытливый, критически настроенный умъ; ея работа тогда будетъ бесплоднымъ философствованіемъ въ худшемъ смыслѣ этого слова (резонерствомъ). Съ другой стороны, и положительныя науки не могутъ обойтись безъ философскаго элемента, такъ какъ

опытъ и чистый разумокъ не въ состояніи объяснить сущности, причины и высшей цѣли явленія. Отдѣльныя науки и философія— это два взаимно-дополняющіе способа познанія природы или дѣйствительности, при чемъ первая больше стараются держаться опыта и чистаго разсудка, а вторая, не довольствуясь этимъ, направляется путемъ разума къ высшему синтезу. Закончимъ рядъ высказанныхъ мыслей словами недавно умершаго нѣмецкаго мыслителя Паульсена: „Дѣйствительность задана челоуѣческому духу какъ великая загадка. Всѣ отдѣльныя науки доставляютъ частичныя данныя для разгадки; попытка же высказать рѣшеніе этой загадки, найти ключъ къ *mysterium magnum* бытія будетъ философія“⁸⁾.

Отношеніе философіи къ религіи и религіозному міросозерцанію.

И въ исторіи и въ индивидуальномъ сознаніи религіозное міросозерцаніе предшествуетъ философскому, которое всегда является на смѣну первому, какъ не вполне гармонирующему съ современными запросами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что постоянно высказывается мнѣніе, будто бы религіозное міросозерцаніе есть первоначальная—низшая и потому неудовлетворительная стадія развитія міросозерцанія, а философія—послѣдующая, болѣе совершенная. Однако, этотъ взглядъ на взаимоотношеніе между религіей и философіей въ корнѣ не вѣренъ.

Великіе мыслители далекой старины—Сократъ, Платонъ, Аристотель и др.; Декартъ, Спиноза и Кантъ не такой уже сѣдой дали; Джемсъ, Бергсонъ, В. С. Соловьевъ и др.—наши современники—умѣли быть и религіозно-настроенными и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшими представителями современной философіи и науки. Значитъ, религія и философія—наука уже не настолько разобщенной области, чтобы между ними не могло быть прочнаго мира. И, дѣйствительно, между ними можетъ быть полное согласіе. Но необходимымъ условіемъ этого мира является точное указаніе областей той и другой. Уже многіе мыслители пришли къ сознанію безсилія въ нѣкоторыхъ областяхъ, казалось, абсолютно всемогущихъ разсудка и разума. Теперь лучшіе представители мысли отказываются отъ попытки по-

⁸⁾ Ibid. стр. 19.

знать міровое бытіе въ его цѣломъ при помощи одного наблюденія, разсудка и вообще чисто мыслительнаго аппарата. Въ мірѣ, выражаясь словами Гете, есть всегда ирраціональный остатокъ, т. е. много всего такого, чего мы не можемъ понять логическими средствами. Наша мысль не въ состояніи вполне удовлетворительно объяснить міръ въ его цѣломъ. Она можетъ понять и осмыслить лишь отдѣльныя части мірового цѣлаго, при томъ она состоятельна только тогда, когда отвѣчаетъ на вопросъ, какъ происходитъ данное явленіе, благодаря какимъ условіямъ оно становится возможнымъ. Но она часто бессильна при рѣшеніи вопросовъ, почему и зачѣмъ это явленіе происходитъ? Правда, она пытается отвѣтить и на эти вопросы, но отвѣты ея уже не имѣютъ общеобязательной логической принудительности, благодаря чему одни мыслители это объясненіе принимаютъ а другіе нѣтъ. Если логическій аппаратъ и наука, основанная на немъ, не въ состояніи объяснить мірового цѣлаго, то мы или должны остановиться предъ этой тайной и откровенно, по примѣру Дюбуа-Реймона заявить *ignotamus* или поискать другихъ источниковъ познанія, благодаря которымъ мы могли бы —хоть отчасти—постигнуть эту тайну.

Такимъ источникомъ и является вѣра или, какъ теперь вслѣдъ за Джемсомъ выражаются, религиозный, мистическій или сверхчувственный опытъ. Благодаря этому сверхчувственному опыту, многія лица непосредственно воспринимали ту реальность, которая стоитъ гораздо выше доступнаго нашимъ внѣшнимъ чувствамъ. Благодаря именно этой вѣрѣ, мы можемъ знать о мірѣ то, чего не можетъ дать логическое мышленіе, именно,—мы можемъ въ свое міросозерцаніе внести отвѣты на вопросы: почему и зачѣмъ все существуетъ. И эти отвѣты могутъ быть достаточно убѣдительны для насъ. „Подобно тому, какъ наши чувства, говоритъ Джемсъ, являются для насъ совершенно достаточной гарантіей реальности извѣстныхъ фактовъ, такъ и мистическія состоянія, доставляя непосредственное ощущеніе реальности тѣмъ, кто пережилъ ихъ, являются доказательствомъ дѣйствительнаго существованія вещей, постигнутыхъ мистическимъ опытомъ“ ⁹⁾. То обстоятельство, что нѣкоторые люди отрицаютъ показанія религиознаго опыта и не придаютъ никакого значенія въ познаніи религиозному началу, нисколько не говоритъ

⁹⁾ Джемсъ. Многообразіе религиознаго опыта стр. 413; см. 412—18 и ср. лекцію III, стр. 46—69.

противъ объективной истины, заявляетъ тотъ же мыслитель, подобно тому какъ глухія, слѣпые и проч. дефектныя лица не могутъ свидѣтельствовать противъ объективности показаній органовъ чувствъ, имѣющихъ ихъ. Обобщимъ сказанное опять словами Паульсена: „Будь человѣкъ чисто интеллектуальное существо, онъ могъ бы, пожалуй, удовольствоваться обломками знаній, собираемыми мало-по-малу научнымъ изслѣдованіемъ. Но онъ не есть одинъ разсудокъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и прежде всего существо, обладающее волей и чувствомъ. И въ этой сторонѣ его существа религія имѣетъ самыя глубокіе свои корни. Чувства смиренія, благоговѣнія, стремленія къ совершенству, преисполняющія его сердце при созерцаніи природы и исторіи... создаютъ увѣренность въ томъ, что міръ есть не бессмысленная игра слѣпыхъ силъ, а откровеніе Благого и Великаго, которое онъ радостно можетъ признать за родственное его собственному глубочайшему существу“¹⁰⁾. Такимъ образомъ предъ человѣкомъ стоитъ дилемма въ рѣшеніи основныхъ вопросовъ міросозерцанія: или отказаться отъ болѣе или менѣе полнаго рѣшенія ихъ въ виду того, что они недоступны для теоретическаго разума, или вслѣдъ за Кантомъ перешагнуть этотъ умъ и обратиться къ другому источнику знанія—къ сверхчувственному опыту. Болѣе глубокіе мыслители идутъ по второму пути.

Если мы теперь подведемъ итоги сказанному о взаимоотношеніи религіи и философіи, то мы должны сказать, что онѣ могутъ и не противорѣчить другъ другу, такъ какъ у каждой изъ нихъ есть своя специальная область. Религія и религіозное міросозерцаніе дадутъ отвѣтъ на вопросы: почему и зачѣмъ все существуетъ, философія же, понимаемая въ смыслѣ науки, можетъ дать отвѣтъ только на вопросъ, какъ все существуетъ и происходитъ. Религія имѣетъ въ виду удовлетворить чувство и волю, философія же прежде всего интеллектуальную способность. Первая связываетъ воедино явленія, вторая только поясняетъ отдѣльныя явленія; когда же обращается къ цѣлому, то необходимо сходить съ чисто опытнаго и разсудочнаго пути на сверхчувственный, хотя бы она его такъ и не называла. Этими чертами мы охватываемъ главныя и существенныя отличія философіи отъ религіи. Но можно указать еще и менѣе важныя.

¹⁰⁾ Паульсенъ. Цит. соч. стр. 8.

Религіозное міросозерцаніе можетъ принимать три основныхъ формы. 1) Мы можемъ полностью принять по довѣрію къ божественному авторитету, то или другое міросозерцаніе, уже разработанное опредѣленною религіозною общиною. 2) Мы можемъ, принявъ основныя предпосылки религіи создать міросозерцаніе, уклоняющееся отъ принятой формы. 3) Изслѣдуя вопросы міросозерцанія, мы не будемъ выходить изъ напередъ данныхъ религіей предпосылокъ. Самымъ же ходомъ разсужденій будемъ приведены къ признанію религіознаго начала, и тогда создадимъ совершенно свободно религіозное міросозерцаніе такъ, какъ подскажетъ намъ ходъ разсужденій. Частный видъ послѣдней формы религіознаго міросозерцанія, именно, когда оно построяется, главнымъ образомъ, на показаніяхъ мистическаго чувства, а не на разсудочныхъ данныхъ, называютъ теософіей. Послѣднія двѣ формы религіознаго міросозерцанія будутъ носить болѣе раціональный характеръ, но и первая его не лишена. Въдѣ всякая религія не только заставляетъ принимать то, что изложено въ ея боговдохновенныхъ книгахъ, но и объясняетъ, почему надо такъ мыслить. Такимъ образомъ, и религія даетъ раціональное обоснованіе міросозерцанію. Но тогда въ чемъ же разница между нею и философіей?

Существенная разница между той и другой формой міросозерцанія сводится къ тому, что въ подысканіи аргументовъ при пониманіи фактовъ и явленій природы въ религіозномъ міросозерцаніи ясно выступаетъ религіозная идея или, какъ еще выражаются, религіозное умонастроеніе, тогда какъ философія старается ограничиться одними раціональными данными. Кромѣ того, часто религіозное міросозерцаніе отправляется, какъ уже сказано, отъ напередъ данныхъ предпосылокъ, какъ безусловно достовѣрныхъ, и лишь старается подыскать для нихъ логическія обоснованія (эмпирическія и раціональныя); философское же міросозерцаніе отправляется отъ фактовъ и для нихъ устанавливаетъ причину, обоснованіе совершенно свободно такъ, какъ даютъ ей право разсудокъ и разумъ.

Наука, философія и религія въ отношеніи другъ къ другу.

Одинъ изъ виднѣйшихъ представителей научной мысли прошлаго вѣка—Огюстъ Контъ полагалъ, что религія и основанное на

ней религиозное міросозерцаніе есть низшая и самая несовершенная форма міросозерцанія, обязанная своимъ происхожденіемъ культурной неразвитости людей. Человѣкъ, не будучи въ состояніи понять міръ, для объясненія его явленій придумалъ сверхчувственную, разумную, личную Силу, создавшую его и управляющую имъ. Постепенно развиваясь, человѣкъ отрѣшается отъ этой примитивной формы мышленія. Онъ отвергаетъ сверхчувственную разумную личную Силу и строитъ міросозерцаніе, допуская лишь метафизическія (неоткрываемыя опытомъ) понятія, и широко пользуясь творческою фантазіею тамъ, гдѣ опытъ не дастъ прочно обоснованнаго права объяснять явленіе природы. Это есть философское міросозерцаніе. Наконецъ, на послѣдней ступени развитія, мыслящій человѣкъ вводитъ въ міросозерцаніе лишь только то, что можетъ быть оправдано опытомъ. Это научное міросозерцаніе, высшая форма его. Это и есть истинная философія, по своему характеру ничѣмъ не отличающаяся отъ науки, представляющая лишь голый синтезъ безспорно достовѣрнаго. Взглядъ Конта на взаимоотношеніе между разсматриваемыми областями человѣческой культуры долгое время былъ господствующимъ въ образованной средѣ и въ настоящее время онъ еще широко распространенъ тамъ. Мы его должны признать ошибочнымъ.

Не говоримъ уже о томъ, что Контъ самъ его не выдержалъ, обратившись подъ конецъ своей жизни къ религіи. Его достаточно опровергаетъ общеизвѣстный фактъ, уже отмѣченный нами, совмѣщенія научно критическаго отношенія къ дѣйствительности, философскаго пониманія ея и религиознаго освѣщенія ея. Нельзя смотрѣть на этотъ фактъ, какъ на бессознательный пережитокъ отъ прежняго времени (какъ онъ обычно понимается представителями чисто научнаго міросозерцанія). Вѣдь этимъ пережиткомъ владѣютъ гениальнѣйшіе представители человѣчества. Едва ли на это въ такомъ случаѣ можно смотрѣть какъ на пережитокъ, бессознательную дань прошлому. Этому общеизвѣстному факту можно придать болѣе правдоподобное и болѣе соответствующее достоинству носителей его толкованіе. Вѣдь мы уже видѣли, что ни чистый опытъ, ни основанный на немъ разумъ не въ состояніи объяснить, понять и охватить дѣйствительность во всей ея совокупности. Между тѣмъ, въ человѣкѣ живетъ неискоренимая потребность знать это. Въ поискахъ этого знанія онъ преступаетъ разумъ, обращается къ высшей познавательной способности—разуму. Но и разумъ съ его

идеями, съ его интеллектуальнымъ содержаніемъ часто не въ состояніи разрѣшить его недоумѣній. То, что не даетъ ему интеллектъ, даетъ чувство. Такъ онъ перекидываетъ мостъ въ область религіи. Религіозное чувство будетъ тогда уже руководить его умственными построеніями, направленными къ пониманію дѣйствительности.

Не всѣ мыслящіе люди могутъ съ одинаковымъ довѣріемъ отнестись къ тремъ основнымъ источникамъ міросозерцанія. Одни отдадутъ предпочтеніе опыту и разсудку и удовольствуются частичнымъ знаніемъ, заявивъ о недоступности познанія остальныхъ областей; другіе сдѣлаютъ попытку овладѣть полнымъ міросозерцаніемъ, не сходя, однако, съ чисто интеллектуальнаго пути; наконецъ, третьи не побоятся привлечь въ качествѣ источника вѣдѣнія и религіозное чувство. Такъ вырабатываются три основныхъ типа мыслящихъ лицъ или, точнѣе, три главныхъ типа міросозерцанія — научное, философское и религіозно-философское.

Самое же главное при оцѣнкѣ разсматриваемаго нами отношенія между различными способами выработки міросозерцанія мы должны помнить слѣдующее. Устанавливая указанные типы, мы въ извѣстной мѣрѣ производимъ абстракцію. Въ дѣйствительности, въ выработкѣ міросозерцанія, сознательно или бессознательно, выступаютъ всѣ три фактора, правда, съ преобладаніемъ какого либо изъ нихъ, что и опредѣляетъ самый типъ. Какъ уже нами указано, вопросы міросозерцанія не есть дѣло науки, какъ она теперь понимается. Синтезируя, мы необходимо должны имѣть уже руководящую точку зрѣнія, необходимо должны идти далѣе того, что даютъ факты. Что лежитъ за фактами, современная наука вскрыть не можетъ. Безъ пониманія же всей дѣйствительности, хотя бы и относительнаго, мыслящій человекъ жить не можетъ. Здѣсь кроется психологическій корень философіи и религіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Великій юбилей.

(1600-лѣтіе Миланскаго эдикта).

„Отнынѣ каждый рѣшившійся соблюдать христіанское богослуженіе, пусть соблюдаетъ его свободно и неуклонно, безъ всякаго затрудненія. Мы заблагоразсудили объявить о нашей воли, предоставляющей христіанамъ полное и неограниченное право совершать свое богослуженіе“...

Русская православная церковь 14 сентября сего года вспоминаетъ 1600-лѣтнюю годовщину изданія Миланскаго эдикта. Миланскій эдиктъ, изданный въ началѣ марта 313 года—первымъ христіаниномъ—Константиномъ Великимъ, открываетъ новую эпоху въ жизни церкви. Христіанство теперь признается римскимъ правительствомъ вполнѣ равноправнымъ съ язычествомъ. Нѣкоторые историки даже склонны утверждать, что этотъ эдиктъ дѣлаетъ христіанство господствующей религіей. Но такое широкое пониманіе эдикта едва ли правильно: для этого нѣтъ достаточныхъ данныхъ ни въ самомъ эдиктѣ, ни въ ближайшей къ нему по времени (почти до 323 года) дѣятельности царя Константина.

Въ знаменательный юбилейный день считаемъ весьма полезнымъ установить дѣйствительное значеніе Миланскаго эдикта. Установка этого значенія вызоветъ должныя чувства и настроенія въ душѣ вѣрующаго христіанина. Для правильной оцѣнки Миланскаго эдикта, устанавливающаго правовое положеніе христіанъ въ римской имперіи, очевидно необходимо, во 1-хъ знать прежнее ихъ положеніе, во 2-хъ, точно проанализировать самый эдиктъ, для чего—въ 3-хъ, необходимо кратко коснуться причинъ вызвавшихъ самый эдиктъ.

I.

Извѣстно, что въ первое время христіане въ римской имперіи пользовались миромъ и покоемъ. Спокойное ихъ существованіе объ-

яснялось только тѣмъ, что римское правительство не выдѣляло ихъ изъ среды іудеевъ, пользовавшихся правами дозволенной религіи (*religio licita*). Оно смотрѣло на христіанъ, какъ на одну изъ вѣтвей юдаизма. Однако, такой порядокъ долго не могъ продолжаться. Его разрушили частію іудеи, не желавшіе имѣть общенія съ сектантами, каковыми были въ ихъ глазахъ христіане,—и потому обратившіе вниманіе правительства на эту сторону, но много этому соотвѣтствовали и сами христіане, открыто провозглашавшіе свои новые взгляды. Окончательно іудеи отдѣлились отъ христіанъ въ началѣ второго вѣка. Однако и послѣ этого правительство еще долго не принимаетъ систематическихъ преслѣдованій христіанъ. Христіане еще имѣли возможность укрыться подъ флагомъ одной изъ дозволенныхъ коллегій (*colligio licita*)—погребальной (*collegio funeraticia*). И это существованіе христіанъ подъ защитой погребальной коллегіи возможно было только при маломъ знакомствѣ римской власти съ христіанствомъ. Но какъ только они узнали основные принципы христіанства, они не могли уже благосклонно смотрѣть на христіанъ. Въ христіанствѣ были такія стороны, которыя необходимо должны были вызвать преслѣдованіе христіанъ со стороны правительства на точномъ основаніи римскихъ законовъ. И такія преслѣдованія начинаются со второго вѣка.

Какіе же законы римскаго государства должны были рано или поздно привлечь христіанъ къ законной отвѣтственности и почему? Общеизвѣстный фактъ, что античное государство и въ особенности римское не придавало большого значенія не личности самой по себѣ, не представляло ей большихъ правъ. Личность цѣнилась постольку, поскольку она считалась полезной для жизни государства и общества. Поэтому римское государство ставило своею непременною обязанностію регламентировать извѣстными законами всѣ стороны человѣческой личности. Религіозная сфера не только не исключалась изъ вѣдѣнія государства, но въ силу особаго міросозерцанія ставилась въ центрѣ попечительныхъ заботъ правительства. Со своеобразной точки зрѣнія римлянъ—религія нужна государству совершенно такъ же, какъ армія, флотъ, судъ и др. государственныя установленія. Боги римлянъ—это охранители цѣлости и благосостоянія государства, поэтому и служеніе богамъ разсматривалось, какъ служеніе государству; было такою же повинностію, какъ уплата податей или служеніе въ войскѣ. Вотъ какъ одинъ ученый характеризуетъ точнѣе взглядъ на религію; «Въ личныя отношенія къ

богамъ римскій гражданинъ могъ и не вступать; лично онъ могъ вѣрить и не вѣрить въ нихъ, уважать или презирать; религія не запрещала ему этого; она не предписывала опредѣленной догмы или миѳологіи, такъ какъ и сама не имѣла ихъ, и вообще не касалась области внутреннихъ убѣжденій. Но разсматриваемый какъ гражданинъ, какъ подданный государства, каждый римлянинъ обязанъ былъ почитать боговъ, т. е. приносить имъ извѣстнаго рода жертвы и участвовать въ установленныхъ церемоніяхъ, такъ какъ это необходимо было для того, чтобы пріобрѣсти благоволеніе боговъ къ государству и охранить его спокойствіемъ. Не трудно такимъ образомъ замѣтить, что сущность религіи, какъ государственнаго начала, сводилась къ культу, къ опредѣленнымъ религіознымъ дѣйствіямъ и процессіямъ (ceremonial roman). Поэтому то за исполненіемъ религіозныхъ предписаній слѣдили представители правительственной власти, а высшей инстанціей въ религіозныхъ вопросахъ являлся въ древнѣйшую эпоху сенатъ—высшее правительственное учрежденіе,—въ болѣе позднее время дѣлившій свою власть съ императоромъ. Самъ собою вытекалъ отсюда тотъ правительственный взглядъ, что уклоненіе отъ установленныхъ закономъ религіозныхъ церемоній есть государственное преступленіе, и виновный въ нарушеніи ихъ есть государственный преступникъ, въ отношеніи къ которому примѣнялись самыя строжайшія и жестокія наказанія, и самая форма судебного процесса имѣла существенныя особенности—къ невыгодѣ преступника. Преступленіе противъ государства въ римской юриспруденціи называлось техническимъ терминомъ—*crimen laesae majestatis* (оскорбленіе величія государства). Въ случаѣ предъявленія подобнаго обвиненія къ подданному отпадали всѣ судебныя привеллегіи, на которыя онъ могъ рассчитывать при общемъ судопроизводствѣ. Такъ, рабы могли здѣсь выступать въ качествѣ свидѣтелей и обвинителей своихъ господъ, чего въ уголовныхъ процессахъ не допускало римское законодательство, по отношенію къ свободнымъ примѣнялись пытки, допускавшіяся обычно лишь къ рабамъ и плебеймъ и пр., и самый процессъ обычно заканчивался смертною казнью.

Итакъ, съ точки зрѣнія римскаго правительства—религія есть государственная обязанность, повинность, которую должны нести рѣшительно всѣ граждане; эта повинность сводилась къ соблюденію установленныхъ закономъ церемоній и совершеніи опредѣленныхъ жертвоприношеній. Несоблюденіе ихъ влекло за собою обвиненіе въ государственномъ преступленіи со всѣми его тяжелыми послѣдствіями.

Римское государство со свойственной ему послѣдовательностію проводило свой взглядъ на религію и не допускало никакихъ исключеній. Тотъ общеизвѣстный фактъ, что римское государство было весьма вѣротерпимо по отношенію ко всѣмъ религіямъ, приняло даже ихъ въ свой Пантеонъ и предоставило каждому культу свободу—нисколько не говорить противъ установленнаго нами положенія, какъ это кажется нѣкоторымъ историкамъ. Мудрость практическаго римлянина нашла и въ религіозной области компромиссъ, не обидный для другихъ религій, пріемлемый однако для государственной религіи. Предоставляя своимъ новымъ гражданамъ свободу исповѣданія ихъ прежней религіи, римляне однако требовали въ качествѣ обязательнаго условія не уклоняться отъ почитанія и римскихъ боговъ постольку, поскольку это необходимо для блага государства, т. е. приносить жертвы въ благодарность богамъ, такъ возвысившимъ Римъ. Подданнымъ Рима это совсѣмъ не трудно было сдѣлать. Вѣдь здѣсь не было никакого насилія надъ личностію: лично я могъ переживать религіозную настроенность, какъ хочу, но я только обязанъ явиться въ извѣстный моментъ въ определенное мѣсто и принять участіе въ религіозныхъ процессіяхъ. Это участіе могло быть и искреннимъ, и въ большинствѣ случаевъ таковымъ бывало. Нельзя забывать того факта, что античное міросозерцаніе было политеастическимъ и наравнѣ съ своимъ богомъ, какъ національнымъ—вышимъ, признавало другихъ боговъ—низшихъ, почитавшихся другими народами. Могъ ли язычникъ, покоренный римляниномъ, не испытывать чувство страха и благоговѣнія предъ богами побѣдителя? Но если психологически вполне понятно, почему представители другихъ религій легко и охотно чтвили римскихъ боговъ, то многимъ не вполне ясно, почему римляне не только предоставили иноземнымъ культурамъ свободу исповѣданія, но и сами чтвили этихъ боговъ оказавшихся безсильными предъ ихъ богами. Достаточное объясненіе этотъ фактъ находить уже въ томъ обстоятельстве, что и римляне раздѣляли взглядъ, общій всей древности—о дѣйствительномъ божествѣ другихъ национальныхъ боговъ, иной не менѣ сильныхъ, нежели и ихъ боги, и свою побѣду надъ ними римляне часто приписывали не столько безсилію боговъ, сколько гнѣву ихъ на прежнихъ исповѣдниковъ, не всегда исполнявшихъ ихъ волю. Послѣ побѣды, а часто еще и до побѣды—они торжественными жертвоприношеніями старались склонить на свою сторону новыхъ боговъ. Государственная мудрость подсказывала Риму,

что новая территория, ставшая теперь римской, обязывает их разсматривать этих новых боговъ своими богами, подобно тому какъ обитатели ея становились ихъ собственностію. Почитая новыхъ боговъ, они тѣмъ самымъ укрѣпляли новую область за собою. Созванію гордаго римлянина такое почитаніе иноземныхъ боговъ часто не наносило никакого ушерба. Какъ римлянинъ, такъ и иноземець, легко и свободно могли чтить подъ именемъ новаго бога своего бога: вѣдь боги всѣхъ національностей были олицетвореніемъ или сихъ природы или способностей человѣка, и потому они были похожи другъ на друга. Всѣ боги и почитались одинаково: въ честь ихъ воздвигались храмы, устраивались церемоніи, приносились жертвы и пр. Такимъ образомъ, здѣсь не было никакихъ препятствій къ сліянію ихъ.

Говоря о вѣротерпимости римлянъ, нужно во всякомъ случаѣ сдѣлать и нѣкоторое ограниченіе. Если мы предположимъ, что римляне одинаково относились ко всѣмъ религіямъ, свободно допускали ихъ распространеніе, то мы сильно ошибемся. Римлянинъ благосклонно относился только къ тѣмъ религіямъ, которыя были связаны съ извѣстною національностью или по крайней мѣрѣ имѣли за собою почтенную давность, предъ которою склонялся консервативный Римъ. Ко всякой новой религіи римлянинъ относился уже подозрительно, какъ ко всякому новшеству, и если уже допускалъ, въ силу тѣхъ или другихъ государственныхъ соображеній, то только ту, которая не претила его нравственному чувству. Если же новая религія не удовлетворяла и этому условію, то онъ обрушивался на ея исповѣдниковъ со всею строгостію римскихъ законовъ.

Не были исключены изъ общаго положенія и іудеи, неимѣвшие возможность принять условія римлянъ и все-таки получившія права дозволенной религіи. Іудеи народъ самостоятельный, имѣвшій самую древнюю религію—могъ ли римлянинъ не отмѣтить этого? Хотя іудейская религія по многимъ пунктамъ вызывала отвращеніе у римлянина, хотя послѣдователи ея на отрѣзъ отказались чтить римскихъ боговъ, но практичный, умудренный государственною опытностію, римлянинъ—нашелъ и здѣсь выходъ. Сначала для іудеевъ было сдѣлано исключеніе—имъ позволено не участвовать въ римскихъ религіозныхъ церемоніяхъ. Сдѣлано это было на томъ формальномъ основаніи, что они сами свободно вступили въ союзъ съ Римомъ, а не были побѣждены, и слѣдовательно могли пользоваться разными преимуществами. Послѣ возстанія они утратили политиче-

скую самостоятельность и слѣдовательно должны были бы во всемъ уподобиться остальнымъ подданнымъ; однако въ религіозномъ отношеніи они удержали традиціонно сложившееся исключительное положеніе. Правда, Римъ нашелъ и здѣсь для себя юридическое удовлетвореніе: не обязывая прямо іудеевъ чтить своихъ боговъ, онъ принудилъ ихъ къ этому косвенно; предписавъ отправлять въ Римъ на Капитолій ту, подать, которая раньше шла на содержаніе іерусалимскаго храма.

Ко времени распространенія христіанства въ римскомъ религіозномъ сознаніи произошло очень важное видоизмѣненіе, имѣвшее для христіанства роковыя послѣдствія. Мы имѣемъ въ виду сліяніе государственной религіи съ культомъ цесарей, т. е. государственной формой религіи—стало: обоготвореніе императора. Императоръ, въ которомъ олицетворялось величіе римскаго государства, понимался и почитался, какъ богъ; ему воздвигались храмы и алтари, его статуи и бюсты считались священными и предъ ними воскурялся эмѣямъ. Слѣдовательно, всякій, кто не приносилъ жертвы и не боготворилъ императора, становился не только «недругомъ кесаря», но и политическимъ преступникомъ. Весьма понятно, какія послѣдствія несло за собою отрицаніе этой правительственной формы религіи.

Такъ мыслило римское законодательство въ религіозной области и поступало въ своей практикѣ.

Что могли ожидать христіане въ формахъ описаннаго нами юридическаго строя? Чѣмъ могло ихъ встрѣтить государство съ такими взглядами? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надо, хотя кратко, представлять взгляды на религіозные вопросы и христіанъ.

Христіане прежде всего провозгласили и потребовали себѣ и свободы вѣроисповѣданія. По ихъ взгляду, государство не имѣетъ право вмѣшиваться въ религіозныя убѣжденія,—это частное дѣло каждаго, это неприкосновенная область, въ которую проникать не должно правительству, долженствующее заботиться только о внѣшнемъ благополучіи гражданъ. Эти мысли особенно ярко выражены еще во второмъ вѣкѣ извѣстнымъ апологетомъ Тертулліаномъ. «Каждый человѣкъ— существо свободное; всякій можетъ располагать собою; точно также воленъ поступать онъ и въ дѣлѣ религіи... Право естественное, право общечеловѣческое требуетъ, чтобы каждому было предоставлено поклоняться тому, кому онъ хочетъ. Религія одного не можетъ быть ни вредна, ни полезна для другого... Принуждать свободныхъ людей приносить жертвы, значить оказы-

вать вопіющую несправедливость, дѣлать неслыханное насиліе.. Противно религіи принуждать къ религіи, которая добровольно принимается, а не посредствомъ принужденія, потому что всякая жертва требуетъ согласія сердца“ *).

Христіане, требуя для себя свободы вѣроисповѣданія, не всегда однако, умѣли уважать религіозные взгляды язычниковъ. Не подлежить, конечно, никакому сомнѣнію, что христіане никакъ не могли согласиться на ряду съ единымъ истиннымъ Богомъ признать какого-либо римскаго бога. Эту возможность исключалъ принципъ монотеизма, лежащій въ основѣ христіанства. Христіанство, какъ и всѣ монотеистическія религіи, не только порвало съ язычествомъ, но и вступило съ нимъ въ борьбу. Сначала эта борьба больше была идейная и литературная, дѣйствовали больше убѣжденіемъ. Своеобразный взглядъ при литературной полемикѣ выработался у христіанъ на римскихъ боговъ. Это не фікціи религіознаго сзнанія, какъ училъ ап. Павелъ (1 Кор. гл. 8—10), а дѣйствительныя силы—злые демоны, приносящіе большой вредъ людямъ, а потому христіанинъ считалъ себя обязаннымъ вступить съ ними въ борьбу. Понятно послѣ этого—почему такіе не лестные эпитеты употребляли апологеты въ отношеніи къ языческимъ богамъ. „Ваши боги не могутъ справляться даже съ людьми, любящими добродѣтель (апост. Лустина, 1, 5, 42) „Родитель вашихъ боговъ—Зевсъ былъ отцеубійца и сынъ отцеубійцы“, ваше ученіе о богахъ нелѣпо и пр. и пр. Скоро отъ слова нѣкоторые энтузіасты перешли и къ дѣлу. Одни занялись изгнаніемъ бѣсовъ изъ языческихъ идоловъ, другіе избрали болѣе упрощенный способъ борьбы—ниспроверженіе боговъ. Правда, подобный способъ борьбы христіанская церковь въ лицѣ Эльвирскаго собора осудила, постановивъ: «если, кто разобьетъ идоловъ... и будетъ такъ же убитъ, то не надлежитъ принимать такового въ число мучениковъ, поелику ни въ евангеліи этого не заповѣдано, ни апостолами не было дѣлаемо». Но важно отмѣтить этотъ фактъ: развѣ правительственная власть или общество, наблюдая и оцѣнивая подобный фактъ, имѣли нужду разбирать—господствующее теченіе это въ христіанствѣ или нѣтъ? Оно все это приписывало всему христіанству.

*) Проф. Лебедевъ. Эпоха гоненій на христіанъ. 3 изд. стр. 9.

Въ частности, культъ цезарей съ особенной оппозиціей и недоброжелательствомъ былъ принятъ христіанствомъ. Христіанамъ особенно нелѣпымъ казалось чтить челоуѣка, со всеми его слабостями и немощами, которыя съ такою ясностію выступали предъ сознаниемъ послѣдователей этого новаго ученія—смиренія, покаянія и любви. „Я молюсь Богу, восклицаетъ христіанинъ, привлеченный къ отвѣтственности за недостаточное почтеніе кесарю,—за императора, но жертвы въ честь его нельзя ни требовать, ни приносить, ибо можно ли приносить Божескія почести челоуѣку?“ *).

Не менѣе ясно христіанскую точку зрѣнія на этотъ предметъ и выражаетъ Тертуллианъ. „Я хочу называть императора владыкой, но только въ обыкновенномъ смыслѣ. если я не принуждаюсь поставлять его владыкой на мѣсто Бога“.

Наконецъ, христіанство было новою религіей, не знающей національности; оно стремилось стать религіей всеобщей, всемірной. Пропаганду, которую такъ преслѣдовало римское правительство, оно считало своею священнѣйшею обязанностію. Кромѣ того, какъ мы уже отчасти видѣли, правительство религію понимало въ смыслѣ культа. Между тѣмъ христіане, вслѣдствіе мало выясненныхъ въ исторіи причинъ, не допускали язычниковъ на свои богослуженія. Со стороны получалось такое впечатлѣніе, что они обходятся безъ культа. Это дало поводъ обвинить ихъ въ безбожіи.

Такъ могутъ быть охвачены главнѣйшіе моменты христіанскаго религіознаго міросозерцанія, при томъ только съ тѣхъ сторонъ, которыми оно могло соприкасаться съ языческими религіозными взглядами, проводившимися правительственною властію.

Немного нужно наблюдательности чтобы замѣтить, что взгляды правительства и христіанства были обратно противоположными. Христіанство абсолютно ниспровергало все то, чѣмъ жила до сихъ поръ религіозная древность. При такомъ порядкѣ вещей скорѣе надо искать причины того, почему государство долго не преслѣдовало христіанъ, нежели обратному явленію—почему оно стало преслѣдовать христіанъ. Достаточно было столкнуться этимъ двумъ противоположнымъ силамъ, чтобы загорѣлась между ними борьба. И какъ только христіанство было узнано въ томъ объемѣ, который позволилъ языческой власти опредѣлить его достаточно ясно съ нужныхъ ей сторонъ, какъ она примѣнила къ нему свою силу, не издавая при

*) Ibid стр. 19.

этомъ какихъ-либо особыхъ законовъ, руководствуясь исключительно уже установленными положеніями и законами.

И вотъ когда христіанство объявлено было со стороны правительственной власти религіей и обществомъ не дозволенными, послѣдователи его лишились всякихъ правъ. Они стали государственными преступниками и ихъ стало возможнымъ на точномъ основаніи законовъ судить, какъ государственныхъ преступниковъ. Не за религіозныя убѣжденія ихъ судили; отъ нихъ не требовалось отреченія отъ предметовъ своей вѣры. Они должны, какъ подданные государства, исполнить лежащую на нихъ повинность—принести жертву отечественнымъ богамъ и цезарю. И если они соглашались это сдѣлать, ихъ съ миромъ отпускали: «что вамъ мѣшаетъ почитать и Христа, какъ Бога, и поклоняться нашимъ богамъ»—вотъ постоянный вопросъ и аргументъ убѣжденія—въ уставѣ языческой власти“, или „принеси жертву или умри“.

Конечно, если самое имя христіанинъ стало равнымъ слову—преступникъ (апол. Тертуллиана), то положеніе христіанъ въ имперіи должно быть тяжелымъ. Тяжесть его нѣсколько смягчалась своеобразнымъ веденіемъ и возбужденіемъ судебного процесса. Возбуждать процессъ могли безъ риска лишь административныя лица. Частныя лица съ увѣренностію въ успѣхѣ никогда не могли рискнуть на доносъ. Кто могъ поручиться, что христіанинъ, привлеченный къ отвѣтственности не принесетъ жертвы. А вѣдь тогда доносчикъ слишкомъ многимъ рисковалъ. Извѣстно, что всякій ложный доносъ строго карался римскою юриспруденціею. Только администрація имѣла право, заподозрѣвъ извѣстное лицо, принуждать его къ принесенію жертвы. Т. о. благосостояніе христіанъ зависело отъ ближайшей правительственной власти. Благодаря этому именно обстоятельству часто христіане благоденствовали въ одной провинціи и подвергались смерти и пыткамъ въ другой. Это показывало, что въ первой провинціи проконсуль сочувствовалъ имъ, а во второй нѣтъ и потому примѣнялъ въ отношеніи къ нимъ законныя мѣры. Рѣзко къ худшему положеніе мѣнялось въ томъ случаѣ, если центральная власть предписывала спеціальнымъ эдиктомъ усилить зоркость въ отношеніи къ христіанамъ. Тогда и проконсулы естественно болѣе обращали вниманія на христіанъ, а частныя лица, менѣе рискуя становились болѣе смѣлыми и менѣе осторожными. И толпа, съ мнѣніемъ которой Римъ привыкъ считаться, чаще сводила счеты съ христіанами. А христіанами, какъ единодушно свидѣтельствуютъ

христіанскіе и языческіе источники, были многіе недовольны во всѣхъ слояхъ римскаго общества. «Ненависть къ имени христіанскому у большей части людей такъ слѣпа, что они даже хваля христіанина, вмѣняютъ ему въ преступленіе самое имя. Кай, говоритъ одинъ, хотя добродѣтельный чловѣкъ, но христіанинъ; удивительно, говоритъ другой, какъ такой умный чловѣкъ, какъ Люцій сдѣлался христіаниномъ». Это свидѣтельство Тертулліана (Апологія III, 1, 10) Многія языческіе писатели говорятъ о христіанахъ съ глубокою ненавистію. Такъ, Тацитъ, извѣстный либеральный историкъ, называетъ христіанъ „ненавистными за ихъ мерзости людьми“. Простой народъ не могъ простить имъ глумленія и неуваженія ихъ къ богамъ отечественнымъ, къ которымъ онъ еще продолжалъ питать довѣріе и симпатіи. Интеллигенція отворачивалась отъ нихъ, какъ плебеевъ неученыхъ, къ тому же дурно и рѣзко отзывавшихся объ языческой наукѣ и философіи, такъ цѣнимой ею и гордой ею. „Ваши мудрецы болтуны — ваши поэты лжецы, ваши книги подобны лабиринтамъ, а читающіе ихъ бочкамъ данаидъ“ говоритъ Таціанъ, обращаясь къ язычникамъ. Въ семью они внесли разладъ. Объ этомъ говорятъ даже апологеты. „Мужъ, говоритъ Тертулліанъ, разводится съ женой, которая сдѣлавшись христіанкой, стала цѣломудренной; отецъ лишаетъ наслѣдства непокорнаго сына, котораго прежніе безпорядки охотно сносилъ. Господинъ прогоняетъ отъ себя вѣрнаго раба, съ которымъ дотолѣ поступалъ кротко. Всякій чловѣкъ, коль скоро обращается въ христіанство, становится ненавистнымъ“ (Апологія, гл. III, 1, II). Въ другомъ сочиненіи „въ посланіи къ женѣ“ Тертулліанъ еще картиннѣе описываетъ семейный разладъ, происходящій отъ смѣшанныхъ браковъ.

„Въ состояніи ли жена исполнять религіозныя обязанности, когда будетъ жить подъ бокомъ служитель діавола? Нужно ли явиться на стояніе, мужъ назначить на сіе время свиданіе въ банѣ. Придетъ-ли день поста, мужъ именно въ сей день приглашаетъ друзей на торжество. Стерпитъ-ли онъ, чтобы она проводила всю ночь въ праздникъ Воскресенія Христова, чтобы она приходила пріобщаться св. таинъ; ходила въ темницы, цѣловала оковы мучениковъ“. Можетъ-ли языческое общество спокойно относится къ тѣмъ, кто, по ихъ мнѣнію, нарушилъ семейный покой и счастье? Христіане не считались и съ коренною особенностію древности, съ ея любовью къ общественной жизни, къ различнаго рода развлеченіямъ. «Мы никогда не мѣшаемся въ общественныя дѣла; пишетъ тотъ же Тер-

туллианъ, мы безъ труда отказываемся отъ вашихъ зрѣлицъ; исполненные презрѣнія ко всему, что въ нихъ происходитъ, мы приходимъ въ ужасъ отъ суевѣрій, которыя ихъ порождаютъ. У насъ нѣтъ ничего общаго ни съ нелѣпостями цирка, ни съ мерзостями театра, ни съ варварствомъ аренъ, ни съ безстыдствомъ гимназій» (Апол. 37, 1, 79). Могло-ли общество спокойно выслушивать подобные эпитеты въ отношеніи къ тому, что такъ высоко оцѣнивалось имъ, чѣмъ оно наполняло свою жизнь? Конечно, и администрація, поскольку она составляла часть римскаго общества, раздѣляла общій взглядъ на христіанъ. Если силою вещей въ такое отношеніе пришлось стать христіанству къ языческому обществу, то понятно среди послѣдняго во всякій моментъ всегда могли найтись люди, способные заявить администраціи о принадлежности того или другого подданнаго къ христіанству. И администрація во многихъ случаяхъ охотно шла на встрѣчу этому общественному теченію.

Отсюда въ концѣ концовъ создалось невозможное положеніе для христіанъ. Надъ каждымъ христіаниномъ занесенъ былъ мечъ, и самаго легкаго движенія достаточно было, чтобы онъ унесъ его голову. Вѣдь всегда или проконсулъ или окружающіе могли предложить христіанину засвидѣтельствовать свое «вѣрноподданство» принесеніемъ жертвы богамъ. А такъ какъ этого онъ никакъ не могъ сдѣлать, то онъ уже становился государственнымъ преступникомъ, принимая на себя все, что связано съ этимъ званіемъ. Чаше христіанинъ не былъ преступникомъ, но онъ постоянно носилъ въ себѣ возможность преступленія: «дѣло», ставившее его въ разрядъ преступника — отказъ отъ религіознаго почитанія статуй, отказъ отъ общественнаго богослуженія и пр. и пр.—могло возникнуть ежеминутно.

Если христіанинъ поставленъ былъ закономъ въ такое положеніе, что каждый шагъ его при желаніи окружающихъ могъ стать преступнымъ, если его благосостояніе и жизнь зависѣли отъ личнаго взгляда администраціи, то легко представить и понять безправное и безотрадное положеніе христіанина въ римской имперіи. Отсюда понятно, что гоненія на христіанъ должны быть и были постояннымъ, обычнымъ явленіемъ. Они — то затихали, то усиливались въ зависимости отъ многихъ добавочныхъ условий, но причина ихъ была всегда одна — несовмѣстимость христіанства съ римскимъ законодательствомъ и общее со всѣмъ строемъ политической и общественной жизни. Особенно напряженны были гоненія въ годы общественнаго

несчастія. Общественныя несчастія— результатъ гнѣва боговъ —Естественно было за этотъ гнѣвъ винить христіанъ, не читвшихъ боговъ.. Напрягалась эта борьба и тогда, когда переживались государственныя кризисы или вообще когда на тронѣ былъ императоръ, отлично учитывавшій, что можетъ сдѣлать христіанство съ государствомъ, построеннымъ на античныхъ принципахъ, разрушаемыхъ имъ. Этимъ именно и объясняется тотъ общеизвѣстный фактъ, что самыми послѣдовательными и строгими гонителями христіанъ были лучшіе императоры—гордость Рима.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Хулиганство, какъ общественное зло, и борьба съ нимъ.

Вопросъ о хулиганствѣ пріобрѣлъ въ послѣднее время значительную остроту и сталъ очереднымъ вопросомъ; его обсуждаютъ со всѣхъ сторонъ, во всѣхъ органахъ печати и во всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Вотъ одно изъ тяжелыхъ наслѣдій освободительнаго времени!

Отъ литературныхъ героевъ «дна» конца прошлаго столѣтія и отъ такъ называемаго „освободительнаго движенія“ начала новаго столѣтія,—говоритъ свящ. І. Васильевъ въ „Пенз. Еп. Вѣд.“,—обществу въ наслѣдство досталось зло, которое теперь извѣстно подъ именемъ хулиганства. Слово хулиганъ пріобрѣло право гражданства въ русскомъ языкѣ; подъ этимъ именемъ извѣстенъ особый видъ зорства. Недостатка въ этомъ, конечно, не было и раньше, но оно проявлялось не въ такихъ рѣзкихъ формахъ. Дикость, проявленіе распушенности, бессмысленное звѣрство и грубость составляютъ отличительныя черты современной молодежи.

Причины, послужившія къ развитію хулиганства въ деревнѣ, обычно видятъ въ невѣжествѣ, некультурности и пьянствѣ народномъ; но едва ли эти причины могутъ всецѣло объяснить возникновеніе этого отрицательнаго общественнаго явленія. Нѣтъ сомнѣнія, что народное движеніе начала настоящаго столѣтія, съ проявленіями своего звѣрскаго инстинкта и въ большинствѣ случаевъ оставшимися

безнаказанными, сослужило не малую службу въ развитіи хулиганства. Народное безуміе, выразившееся въ погромахъ помѣщиковъ, въ сожженіи ихъ усадебъ и въ убійствѣ ихъ скота, все это, — хулиганство въ полномъ смыслѣ, безцѣльное и ненужное для самихъ хулигановъ и весьма чувствительно для потерпѣвшихъ, — послужило пачаломъ въ развитіи общественнаго зла, съ которымъ приходится теперь считаться. Если въ настоящее время хулиганство проявляется и не въ такихъ жестокихъ формахъ, то во всякомъ случаѣ далеко превосходитъ въ количественномъ отношеніи. Достаточно развернуть номеръ любой газеты, чтобы убѣдиться въ этомъ. Изобрѣтенія хулиганства безпримѣрно разнообразны. Хулиганы выносятъ свою дѣятельность изъ частныхъ домовъ на улицу и, не довольствуясь этой ареной, врываются и въ Божій храмъ.

Подростающее поколѣніе, долженствующее смѣнить въ общественной и государственной жизни своихъ отцовъ, ужасно заражено ядомъ хулиганства. Неповиновеніе молодежи своимъ родителямъ — общественный фактъ. Отецъ боится наказать своего сына, такъ какъ послѣдній грозитъ ему поджогомъ или, еще хуже, лишить жизни. Какъ много такихъ примѣровъ мы знаемъ изъ жизни послѣдняго времени! Молодежь потеряла всякое уваженіе къ духовенству, къ школѣ, въ которой училась, и даже къ храму. Обидно становится священнику слышать насмѣшки на его счетъ, когда онъ, проходя по улицѣ, видитъ собравшуюся молодежь, которая не только не кланяется ему, а съ вызывающимъ видомъ неистово поетъ: „у попа-то рука-то, батюшки“ и т. п. А вѣдь эта молодежь вся прошла, такъ сказать, черезъ его руки: она училась у него въ школѣ, и вотъ плата за трудъ. Вотъ фактъ: въ селѣ назначено было въ школѣ чтеніе, которое, по независящимъ отъ учительницы обстоятельствамъ, состояться не могло. Собравшаяся молодежь въ ожиданіи чтенія вела себя буйно; когда же учительница объявила, что чтеніе состояться не можетъ, то молодежь совершенно вышла изъ границъ приличія: опрокинула все столы и скамейки въ школѣ, выбила стекла, а на увѣщанія учительницы въ отвѣтъ слышались гнусныя выраженія и полетѣли комья снѣга, однимъ изъ которыхъ была разбита лампа въ рукахъ учительницы. Газеты сообщали о фактахъ аплодированія діакону за чтеніе св. Евангелія въ храмъ и о закуриванія папиросы отъ свѣчи во время богослуженія. Дальше такого кощунства идти некуда.

Хулиганство коснулось всѣхъ сторонъ жизни и стало явленіемъ нетерпимымъ. На это вопіющее зло послышались жалобы со всѣхъ сторонъ: заговорили въ общественныхъ собраніяхъ, въ административныхъ учрежденіяхъ и, наконецъ, дошло до Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, которое и разослало циркуляры г.г. губернаторамъ съ цѣлью произвести анкету по всей Россіи о развитіи хулиганства и о мѣрахъ борьбы съ нимъ. Отвѣты административныхъ и общественныхъ учрежденій единодушно констатировали фактъ общераспространенности хулиганства и предлагали различныя мѣры къ обузданію его, при этомъ нерѣдко при знавалась необходимой и крайняя мѣра борьбы съ хулиганствомъ—розга: но эта крайняя мѣра вызывала и основательныя возраженія, которыя, надо думать, и будутъ приняты въ соображеніе при окончательномъ обсужденіи этого вопроса.

Что хулиганство стало нетерпимымъ общественнымъ зломъ, доказываетъ нервное обсужденіе его въ одномъ изъ земскихъ собраній, гдѣ одинъ изъ гласныхъ,—на рѣчь предшествующаго оратора по поводу ассигнованія средствъ на педагогическіе курсы,—отвѣтилъ: „хулиганство создается, благодаря образованности людей, такъ какъ мнѣ извѣстно изъ газетъ, что нападенія и грабежи въ городахъ производились образованными людьми“. Конечно, раздраженіе и нервность въ данномъ мѣстѣ не оправдываютъ причинъ, но ясно доказываютъ, какъ озлоблено общество противъ хулиганства, и что при своей интенсивности хулиганство можетъ ввести въ заблужденіе и дать весьма нежелательные результаты, что, дѣйствительно, въ данномъ случаѣ и оказалось: земское собраніе отказало въ ассигновкѣ на педагогическіе курсы.

Всякое общественное явленіе своимъ возникновеніемъ обязано тѣмъ или инымъ причинамъ, а посему и борьба, главнымъ образомъ, должна быть направлена противъ послѣднихъ. Надо полагать, что выработанныя мѣры противъ распространенія хулиганства коснутся и его причинъ, а не ограничатся одними мѣрами наказанія: по выраженію М. Флери: „надо искать не того, какія наказанія лучше, а того, какъ сдѣлать ихъ ненужными“.

Одною изъ причинъ, породившихъ хулиганство, является отсутствіе ремесленныхъ знаній въ деревнѣ. Послѣ уборки хлѣба съ поля наша деревня проводитъ время непродуцательно, праздно. Не имѣя возможности, вслѣдствіе отсутствія полезныхъ знаній и занятій, къ чему-либо приложить свои руки, молодежь проводитъ время за

развлеченіями далеко не нравственнаго свойства и, тупѣя нравственно, выходитъ за предѣлы приличнаго и дозволеннаго. Игра въ карты и орлянку сильно распространена среди молодежи; чтобы достать на это деньги, она тащитъ изъ кармановъ своихъ отцовъ послѣдніе гроши, а если это не удастся, то изъ амбаровъ другихъ.

Отхожіи промыслы, кромѣ вреда въ нравственномъ отношеніи ничего не приносятъ. Уходя изъ дома «родителей» на страну далек и освобождаясь изъ-подъ опеки и надзора родителей, молодежь приходитъ неузнаваемой: приносятъ съ собою «моду» и разнузданность. Бахвальство, непочтительность и наглость служатъ отличительной чертой ихъ, а «спинжаки» съ калошами и удалыя безнравственнаго содержанія пѣсни говорятъ объ ихъ „образованности“.

Бороться съ причинами, породившими хулиганство, не по силамъ отдѣльнымъ личностямъ, это—дѣло общественное, общегосударственное, дѣло высшаго правительства и законодательныхъ учрежденій, которыя надо надѣяться, въ самомъ ближайшемъ будущемъ и осуществятъ это; наше-же дѣло, дѣло пастырей, стоящихъ на стражѣ нравственности народной, откликнуться на призывъ правительства и мобилизовать всѣ силы и средства нравственнаго свойства на борьбу съ хулиганствомъ. Средство это—слова убѣжденія, которое можетъ быть использовано въ трехъ направленіяхъ: въ школѣ, въ храмѣ и во внѣбогослужебныхъ собесѣдованіяхъ.

Школа является ареной борьбы съ хулиганствомъ потому, что дѣти представляютъ лучшій матеріалъ, поддающійся нравственной обработкѣ: ядъ хулиганства еще не отравилъ ихъ чистой души, и предохранительная прививка еще можетъ быть полезной. Проявленія хулиганства дѣтямъ уже извѣстны; съ нашей стороны достаточно будетъ только освѣтить непроглядную сторону хулиганства, чтобы въ дѣтской душѣ, какъ на экранѣ, отпечатлѣлось отвращеніе къ гнуснымъ поступкамъ, позорящимъ человѣческое достоинство.

Живое слово въ храмѣ противъ хулиганства имѣетъ за себя многое и, напередъ можно рассчитывать, будетъ принято слушателями весьма сочувственно, такъ какъ многіе изъ нихъ сами были жертвой хулиганства, да и впредь не застрахованы отъ его нашествія. Здѣсь главной темой живого слова должно быть: непреложность слова Божія объ обязательной отвѣтственности за свои поступки и наказанія за нихъ, повиновеніе родителямъ, трезвая нравственная жизнь, уваженіе къ чужой собственности, деликатное и чистое отно-

шеніе къ женскому полу, и любовь къ своему дому и труду, гуманное отношеніе къ животнымъ и т. п.

Надо полагать, что пастырь, стоящій близко къ своимъ пасомымъ, найдетъ неисчерпаемый источникъ живого слова противъ этого общественаго зла. Возмущенная душа не можетъ молчать, и вышедшій на церковную кафедру пастырь, уже самъ много нравственно и не мало матеріально страдавшій отъ проявленій хулиганства и видящій предъ собою слушателей, терроризованныхъ толпою насильниковъ, заговорить голосомъ наболѣвшей души, подобно набатному колоколу, созоветъ на борьбу съ общественнымъ зломъ.

Излишне говорить, что внѣбогослужебныя собесѣдованія и чтенія вечеромъ, когда особенно молодежь не знаетъ, куда себя дѣвать, окажутъ благотворное вліяніе. Нужно заботиться только о томъ, чтобы собесѣдованія и чтенія не были однообразны и сухи по содержанию. Всѣмъ извѣстно, какъ любознательнъ сталъ нашъ народъ: нерѣдко, интересуясь, что дѣлается на бѣломъ свѣтѣ, онъ выписываетъ какую-либо газету; но, слишкомъ довѣряя печатному слову, онъ, не умѣя разобраться въ прочитанномъ, понимаетъ по-своему и толкуетъ другимъ въ нежелательномъ смыслѣ. Бесѣда съ молодежью должна носить непринужденный характеръ, но руководитель бесѣдою въ этомъ случаѣ долженъ стоять на высотѣ, и зарвавшимся совопросникамъ,—что должно быть въ границахъ приличія допустимо,—опионировать съ настойчивостію и достоинствомъ, дабы не уронить передъ слушателями своего авторитета. Такого рода бесѣды и чтенія должны вестись, конечно, не въ храмѣ, а лучше въ школѣ или другомъ помѣщеніи, пригодномъ для этой цѣли. Бесѣды и чтенія не должны исключительно концентрироваться около темы о хулиганствѣ; необходимо оживлять бесѣды разсужденіями и на другія темы. Научныя открытія, сложенные въ доступной для пониманія формѣ, доставятъ не только развлеченіе, но и принесутъ существенную пользу. Бесѣды и чтенія о новыхъ удобреніяхъ почвы, о скотоводствѣ, садоводствѣ и огородничествѣ также могутъ быть полезны. Разнообразіе и содержательность бесѣдъ и чтеній гарантируютъ постоянно слушателей, а время, отданное на это, будетъ проведено съ пользою, и молодежь, теперь хулиганствующая, не признающая авторитета своего духовнаго отца, будетъ смотрѣть на него благодарными глазами, что и послужитъ ему наградой за проведенное время и труды.

Дѣло борьбы съ хулиганствомъ въ школѣ и храмѣ—дѣло священника, возлагать же борьбу съ хулиганствомъ внѣ этихъ границъ на одного священника было бы непосильнымъ бременемъ для него; діаконъ, если онъ есть, псаломщикъ и учитель обязаны быть его первыми помощниками. Если помимо указанныхъ лицъ въ приходѣ есть и другія интеллигентныя лица, то они могутъ оказать въ этомъ дѣлѣ существенную помощь; руководство же чтеніями и собесѣдованіями должно принадлежать священнику.

Какъ много современная жизнь требуетъ отъ священника и какъ много онъ долженъ знать и высоко стоять нравственно, чтобы пользоваться пастырскимъ авторитетомъ въ народѣ! Усложняющіяся обязанности духовенства идутъ параллельно съ народнымъ образованіемъ, которое гигантскими шагами стремится впередъ,—и какъ много и упорно пастыри должны трудиться надъ своимъ самообразованіемъ, чтобы стоять на высотѣ своего призванія и положенія!

Неудачно данный отвѣтъ, или вопросъ, оставленный безъ отвѣта, навсегда роняютъ авторитетъ священника въ народѣ. Священникъ не можетъ не отзываться на каждое общественное или государственное явленіе; онъ такъ или иначе долженъ реагировать на него, сама жизнь вынуждаетъ его къ этому; пройти мимо отрицательнаго общественнаго явленія значить уподобиться евангельскому священнику и левиту, прошедшимъ мимо «впадшаго въ разбойники». Пройти мимо хулиганства, какъ общественнаго и государственнаго зла, значить не выполнить своего священнаго долга по отношенію къ обществу и государству, такъ какъ это вопіющее зло грозитъ превратиться въ бытовое русское явленіе.

За редактора неофициальнаго отдѣла,
Секретарь Консисторіи Л. Яновскій.

Печатать разрѣшается, 8 сентября 1913 года.

Цензоръ, преподаватель семинаріи протоіерей В. Добровольскій.

Печатано въ Витебской Губернской Типографіи.